

ВСТРЕЧА В СЕРЕДИНЕ ЖИЗНИ

— Я — миссис Да Танка, — сказала миссис Да Танка. — А вы мистер Майлсон?

Он кивнул, и они двинулись по платформе в поисках пустого купе, где бы они могли спокойно поговорить, а если разговор не сложится, что в их ситуации было весьма вероятно, просто посидеть в одиночестве. Каждый нес небольшой чемодан: миссис Да Танка — белой кожи или какого-то другого — под кожу — материала, мистер Майлсон — поношенный, черный. Оба молчали — они были незнакомы; в вокзальной суете, да еще когда заглядываешь в освещенные окна вагонов, — не до разговоров.

«Аренду на девяносто девять лет, — сообщил мистеру Майлсону отец, — в тысяча восемьсот шестьдесят втором году взял мой дед — ты его, понятное дело, знать не мог. Истечет она, боюсь, на твоём веку. Ничего, переживешь — ты к этому времени, надо полагать, встанешь на ноги и сумеешь ее продлить — глупо будет, если пропадет семейная собственность». Собственность — его любимое слово. Дом был небольшой и складный, стоял в ряду других таких же и в глаза не бросался. Вот только аренда, когда время подошло, оказалась не-

продлеваемой, что, впрочем, избавило мистера Майлсона от хлопот. Да и к чему ему, бездетному холостяку, было продлевать аренду еще на девяносто девять лет?

Миссис Да Танка села напротив и достала журнал. А затем, словно что-то вспомнив, сказала:

— Можем поговорить. Или вы предпочитаете вести дело молча?

Изящный, дорогой твидовый костюм облегал ее полную, но вполне еще подтянутую фигуру. Седые, крашенные, гладко зачесанные на прямой пробор волосы отливали золотом. Воспитывайся миссис Да Танка в другой среде, она была бы женщиной веселой и смешливой, однако свою жизнерадостность она не любила и себя, как могла, сдерживала. В ее глазах часто вспыхивали веселые искорки, но, словно чувствуя это, она тут же подавляла смех резкостью тона.

— Не смущайтесь, — сказала миссис Да Танка. — Мы с вами уже не в том возрасте, чтобы в подобной ситуации испытывать стеснение. Вы со мной согласны?

Мистер Майлсон не знал, согласен он или нет. Не знал, какие чувства должен испытывать. Задумался — но ни к какому выводу не пришел. Да, он был взволнован, но чем было вызвано волнение, сказать не мог. А потому ответить на вопрос миссис Да Танка он не сумел и лишь улыбнулся в ответ.

Миссис Да Танка, которая когда-то была миссис Хорас Спайр и едва ли это время забудет, тоже погрузилась в воспоминания. И в этом была своя логика: то время подошло к концу точно так же, как подходило к концу это время. Превращение миссис Да Танка в миссис Спайр давало ей возможность отвлечься от преследовавших ее тревожных мыслей, взглянуть на них как бы со стороны.

«Раз ты этого так хочешь, — сказал ей Хорас, — ради Бога. Только кто возьмет на себя грязную работу, ты или я?» Таков был его ответ на ее просьбу о разводе. Впрочем, когда происходил этот разговор, грязная работа, как он выразился, уже была сделана, причем ими обоими.

«Я просто потрясен, — продолжал Хорас. — Я-то думал, мы с тобой так и будем жить-поживать. У тебя что-то серьезное?»

Ничего серьезного у нее не было, но и то, что было, явилось следствием несостоятельности ее замужней жизни, той пустоты, которая пришла на смену любви.

«Будет лучше, — сказала она ему тогда, — если у каждого из нас будет своя жизнь. Привычка жить вместе нам только мешает. Давай не упустим этот шанс — пока еще есть время».

Сейчас, в поезде, она вспомнила этот разговор во всех подробностях, особенно последние четыре слова. Тогда, восемь лет назад, «шансом» стал для нее Да Танка.

— Мой Бог, — произнесла она вслух, — каким же он оказался чванливым ублюдком!

У мистера Майлсона была с собой пара еженедельников, содержание которых определить было сложно: яркая, одноцветная обложка, броские, рассчитанные на умеренно образованного читателя статьи. Нечто среднее между газетой и иллюстрированным журналом. У нее были свои журналы — настоящие. «Харперс» и «Вог». Глянцевые, изящно оформленные — и довольно глупые. Так, во всяком случае, казалось мистеру Майлсону. Такие журналы он открывал, когда сидел в приемной у врача или дантиста, и быстро их пролистывал: идиотская реклама, фотографии девочек с соответствующими подписями — несуществующих девочек в несуществующих позах, бесполой и даже, пожалуй, каких-то безжизненных. Так вот она, значит, какая.

— Кто? — спросил мистер Майлсон.

— Господи! Да Танка, кто ж еще?!

Восемь лет широкой спины этого Да Танка, такой толстой, что казалось, она подбита изнутри ватой. Он ее частенько демонстрировал.

— Я вам про Да Танка потом еще расскажу, — сказала она. — Про него есть что рассказать, хотя сам по себе он мало интересен.

Что и говорить, иметь свой дом — это постоянная головная боль. То крыша потечет, то краска снаружи облупится, то вдруг сырость в каких-то неожиданных местах проступит. Комната в Суисс-коттедже была куда лучше — зи-

мой никаких проблем. Старый дом давно снесли — да и остальные дома по всей улице тоже. Теперь на их месте выросли многоэтажные здания: тысячи окон, крыш за облаками не видеть. Садики как не бывало, и Белоснежки и Семигномы тоже. Исчезли и гирлянды из электрических лампочек, и причудливо вымощенные тропинки, и столики, скворечники и корытца с водой для птиц, и миниатюрные песчаные карьеры, и резная металлическая ограда, за которой пестрели цветами клумбы.

— Ничего не поделаешь, времена меняются, — изрекла миссис Да Танка, и тут только он вдруг осознал, что все это время обращался к ней, а вернее, адресовал ей свои мысли, — большее, впрочем, все равно было некому.

В свое время мать разбила сад с декоративными каменными горками. Чего там только не было: и сарсапарилья, и гвоздики, и розы. Ее брат, дядя Эдвард, бородатый, нелепый человек, привез в своей машине камни с побережья. Отец не скрывал раздражения — такие затеи ему никогда не нравились, он считал, что вывозить камни с побережья неправильно, даже стыдно. За садом росла Голанова ягода: крупная, жесткая, несъедобная, к тому же всегда неспелая. Тем не менее никому — мистеру Майлсону, во всяком случае, — уничтожить кусты, на которых она росла, не хватало духу.

— Мы могли молчать по несколько недель подряд, — говорила миссис Да Танка. — Жили

в одном доме, ели одну и ту же еду, ездили на одной машине, а от него только и услышишь: «Пора бы им включить центральное отопление» или «Опять “дворники” не работают».

Мистер Майлсон не понимал, о ком она говорит, о мистере Да Танка или о мистере Спайре. Для него они были одним человеком — оба молчаливые, с какими-то неясными, словно расплывающимися в тумане лицами, они на пару ласкали эту женщину своими ухоженными руками.

«Он будет в костюме и в плаще, — предупредила ее подруга. — В чем-то сером и неприметном. Он ничем не выделяется, вот только шляпа у него огромная, черная, ужасно нелепая». Шляпа и в самом деле смотрелась странно, чем-то напоминала гигантскую грушу.

В назначенное время он ждал ее у табачного киоска, как договорились. Худой, лет пятидесяти, лицо вытянутое. В руке старомодная шляпа и два еженедельных журнала, которые отлично с этой шляпой сочетались, а вот с ним самим — гораздо хуже.

— Скажите, по-вашему, я неправа, мистер Майлсон? Неправа, что хочу порвать с таким человеком?

Сейчас шляпа лежала на багажной полке рядом с аккуратно сложенным плащом. Он был почти совсем лысый, кожа на черепе бледно-белая и нежная, прямо как у ребенка. Глаза печальные, как у ретривера, — в детстве у нее был

такой щенок. Мужчины, подумалось ей, вообще часто похожи на собак, а вот женщины, скорее, на кошек. За окном сгустились сумерки, вагон плавно покачивался. Она думала о Да Танка и о Хорасе Спайре. Интересно, где Спайр сейчас? Сидя напротив, он, в свою очередь, думал о девяностодевятилетней аренде и двух грязных тарелках, одной от вчерашнего ужина, другой от завтрака, в его комнате в Суисс-коттедже.

— Такой отель должен вам понравиться, — сказал мистер Майлсон, входя в безвкусно, с претензией обставленный холл и осматриваясь.

— Джин с лимоном, джин с лимоном, — дважды повторила миссис Да Танка и, не теряя времени даром, устремила к стойке бара.

Себе мистер Майлсон взял ром, решив — сам не зная почему, — что в данном случае ром — напиток более подходящий, чем джин.

— Мой отец пил ром с молоком. Странное сочетание, — сказал он.

— Какая гадость! Да Танка предпочитает виски. А его предшественник любил портер. Ну вот, наконец-то!

Мистер Майлсон взглянул на нее:

— Нам еще предстоит ужин.

Но миссис Да Танка не обратила на его слова никакого внимания. Они долго сидели у стойки, пока она не выпила одну за другой несколько порций джина с лимоном, а когда наконец встали, чтобы перейти в ресторан, выяс-